

НЕГАТИВНОСТЬ КАК КОНСТИТУТИВНЫЙ ФАКТОР В ПОЛЕ СОВРЕМЕННОГО ПСИХОАНАЛИЗА И ПОСТМАРКСИЗМА

Екатерина Игнатович

Lecturer in Philosophy
Department of Philosophy
European Humanities University
Official address: 24, F. Skorina Prospekt,
Minsk, 220030 Belarus
Phone: (375) 172 32 35 59 (office)
Fax: (375) 172 29 23 55
E-mail: k-ignatovich@yandex.ru

В данной статье рассматриваются возможности продуктивного сотрудничества теоретических концепций постмарксизма и психоанализа. Общим исходным пунктом для обоих дискурсов является актуальная сегодня анти-эссенциалистская установка. Э.Лакло, один из наиболее известных теоретиков постмарксизма, выдвигает тезис о “невозможности общества”, согласно которому общество представляется как дискурсивная формация, в основе которой лежит имманентный ей антагонизм, внутренний предел, конституирующий идеологические утверждения о полноте и завершенности социального. Сходным образом звучат и высказывания С.Жижека, одного из последователей лакановского психоанализа, о том, что как на уровне формирования субъективности, так и на уровне социального целого, мы имеем дело только с порядком Символического, компенсирующим некий невозможный травматический внутренний опыт – “порядка Реального”.

В статье рассматриваются возможные пути для переформулирования, переписывания содержаний уже устоявшихся концептов, таких как “бессознательное”, “симптом”, “идеология”, “гегемония”, которые дают возможность для формирования нового языка теоретического дискурса, позволяющего адекватно реагировать на спонтанные изменения современного пост-индустриального общества.

Ключевые слова: психоанализ, постмарксизм, анти-эссенциалистская установка, негативность, социальный антагонизм.

Две модели критического подхода к рассмотрению взаимоотношений субъекта и общества – психоанализ и марксизм – которые были заявлены в конце 19-го начале 20-го веков, не теряют своей актуальности

и сегодня. Неослабевающий интерес к их аналитическим возможностям связан, прежде всего, с трансформативным, флексибельным характером заданных дискурсивных полей. Ценность их концептуальных

узловых точек, вроде «бессознательного» или «симптома», «идеологии» или «гегемонии», заключается, прежде всего, в способности схватывать исторически меняющееся содержание. Доказательством этому послужили многочисленные вариации как психоанализа: от Эго-психологии до лакановского постфрейдизма, так и марксизма: концепция научного коммунизма в странах соцблока с одной стороны и западный марксизм (представители Франкфуртской школы, современной критической теории, постмарксизма) с другой стороны. Эта варибельность отражает тот коренной сдвиг, что характеризует современные теоретические построения в целом. Он заключается в том, что центральные понятия, связывающие прежде теорию воедино, имеющие конкретную локализацию в пространстве знания, наполненные однозначным смыслом и содержанием, т.е. зафиксированные как трансцендентные (трансцендентальные, т.е. вневременные?) сущности, оцениваются теперь исключительно (преимущественно?) операционально, с точки зрения их способности охвата, фреймирования, сопоставления и связывания различного эмпирического материала. Как это ни парадоксально, но значимость рабочих концептов заключается, прежде всего, в том, что они являются *пустыми* оболочками. Что касается марксизма и психоанализа, то в данном случае эта внутренняя тенденция развития находит свое отражение и в принципах параллельно выстраиваемых парадигм структурализма и постструктурализма, где акцент также делается на дискурсивной детерминированности понятий. На основе общей формально-методологической базы, санк-

ционированной к тому же авторитетом семиологической парадигмы, психоанализ и марксизм постепенно формируют совместное аналитическое поле, плодами которого являются вполне актуальные для своего времени концепции фрейдомарксизма (Райх, Маркузе, Фромм) или современного постмарксизма (Лакло, Джеймисон, Бодрийяр и др.).

Однако трансформации дискурсивного поля обусловлены не только сдвигами и влияниями на теоретическом уровне, большое значение имеют также кардинальные изменения в структуре общества. Распад прежних общественных связей в процессе модернизации породил фундаментальное тревожащее чувство неопределенности, «ускользающей реальности», до этого четко зафиксированной в сети символических порядков. Этот социальный и антропологический опыт нестабильности, сочлененный с обсессивным желанием восстановить, связать, утвердить хотя бы подобие порядка, и становится ключевым отправным пунктом в постмарксистском поле анализа с помощью методологической практики описанной выше как «операциональная работа понятий».

Таким образом, несмотря на разнонаправленность концепций психоанализа и постмарксизма (культурно-антропологическую доминанту с одной стороны и социально-политическую – с другой), их интегративный блок является, тем не менее, возможным и даже необходимым в процессе детектирования динамики социальных процессов. Понятия социального антагонизма или «порядка Реального» (обозначенные автором статьи как «идея конститутивной негативности»), сформированные в рамках каждой из этих теорий,

на их стыке заряжаются новыми смыслами и провоцируют на создание новых аналитических моделей.

Однако, прежде чем обратиться к этой проблеме, имеет смысл рассмотреть те основания анти-эссенциализма, которые позволяют задать общие исходные принципы для постмарксистского и психоаналитического дискурсов.

В своей статье «Невозможность общества» Э. Лакло пытается выявить те причины, которые больше не позволяют нам говорить о некоей социальной тотальности, как сущности социального порядка, об «обществе» как целостном и постижимом объекте, обуславливающим те эмпирические колебания, что появляются на его поверхности. Отказ от эссенциалистской установки обусловлен, по его мнению, определенными динамическими смещениями (дислокациями) прежде устойчивых значений, которые позволяли человеку считать свой универсум четко иерархизированным и неизменным. В другом месте Э. Лакло иллюстрирует этот тезис ссылкой на традиционные и современные общества: «В тех обществах, – пишет он, – которые находятся на низком уровне развития технологий, где воспроизводство материальной жизни осуществляется средствами традиционно повторяющихся повседневных практик, «языковые игры» или же дискурсивные последовательности, организующие социальную жизнь, являются в основном устойчивыми и стабильными. В результате такого положения дел возникает иллюзия, что бытие объектов, которое есть не более чем социальная конструкция, принадлежит вещам самим по себе» (Laclau: 1990, 118–119). Другими словами, речь идет о «на-

турализации значений» вещей, которая затем становится основной предпосылкой тезиса об интеллигибельности бытия в системе западноевропейской метафизики. Историчность бытия не проблематизируется до тех пор, пока не начинают действовать динамичные технологические изменения и дислокационные ритмы в условиях трансформирующегося капиталистического общества. Именно они и изменяют «дискурсивные последовательности, которые конструируют реальность объектов, таким образом, что становится видимым историчный характер их бытия» (Laclau: 1990, 119).

Соответственно, современное социальное поле рассматривается теперь как «бесконечная игра различий», а любая идентичность в поле социального, будь то идентичность общества или субъекта (социального агента), – как всего лишь «изменчивая артикуляция непрерывно изменяющихся положений» (Laclau: 1990, 92).

В другой своей работе «Постмарксизм без оговорок» Э. Лакло называет некоторые наиболее важные, с его точки зрения, исторические трансформации социального поля, которые вынуждают нас к пересмотру сложившихся теоретических подходов. Среди них, считает он, стоит, прежде всего, выделить следующие: «структурные трансформации капитализма, которые привели к резкому снижению роли классически понимаемого рабочего класса в постиндустриальных странах; всё возрастающее проникновение капиталистических отношений производства вглубь сфер социальной жизни, в результате чего дислокационные эффекты, наравне с такими же эффектами, проистекающими из различных форм бюрократизации, харак-

теризующих государства, ориентирующихся на полное социальное обеспечение, генерируют новые формы социального протеста; появление множества массовых миграций (движений?) в странах Третьего мира, которые не укладываются в классические рамки классовой борьбы; кризис и полная дискредитация той модели общества, что была воплощена в странах так называемого «реально существующего социализма», включая разоблачение новых форм доминирования, установленных во имя диктатуры пролетариата» (Laclau: 1990, 97).

Но при этом, когда Э.Лакло перечисляет весь тот набор признаков, что характеризуют современное социальное поле и вносят, на первый взгляд, диссонанс и нестабильность в классическое понятие общества, то он рассматривает их скорее как позитивный отправной пункт для размышления и действия в современной ситуации. «Новые поколения, – пишет он далее, – избавленные от предрассудков прошлого (т.е. от условностей традиции – Е.И.) и от теорий, представляющих себя, как «абсолютные истины» истории, способны к конструированию новых эмансипационных дискурсов, более человеческих, более разнообразных и более демократических» (Laclau: 1990, 98).

В этой сентенции не случайно слышатся нотки прежнего просвещенческого пафоса, который вдохновлял классическую марксистскую теорию. В постмарксизме, как собственно и в современных ему, но столь несхожих между собой концепциях Фуко и Хабермаса, возрождается идея критического самоуверения модерна, требование проверки пределов и возможностей человеческого «рацио». Однако при этом

современная ситуация уже не приемлет прежних телеологических устремлений духа Просвещения, которые связывали историю линейной перспективой общественного прогресса. Прошлое представляется теперь как контингентное поле возможностей, переопределяемое в зависимости от тех вызовов, опасностей, от той борьбы, с которыми мы имеем дело на современном этапе. Возрастает и роль субъекта, как исторически обусловленного, но при этом активно действующего и активно выбирающего, другими словами, субъект определяется не тем, *что* он есть, а *как* он есть.

Если обратиться теперь к аналогиям из психоаналитического дискурсивного поля, то отправной точкой здесь послужит трансформированное (со времен Фрейда) понятие «бессознательного». Основными фигурами, с которыми мы будем иметь дело, станут, прежде всего, основатель постфрейдистской антропологии Ж.Лакан и его последователь С.Жижек, который скорее представляется чем-то вроде «блуждающей точки» между психоаналитической и марксистской парадигмами. В лакановском психоанализе бессознательное перестает пониматься статически, лишь как «седалище инстинктов» (Лакан: 1997, 55), обуславливающих на уровне означаемого наши желания и устремления. В постфрейдизме акцент делается на том, что уловить, вычленить, артикулировать бессознательное невозможно, что оно проявляет себя только в динамическом соотношении психических сил, только как процесс, движение цепи означающих, за которой если и скрыто какое-нибудь означаемое, сущность, то оно может быть обозначено только как пустота или разрыв.

Таким образом, в полном согласии со структуралистскими позициями, общим полем для анализа оказывается ничем не детерминированная поверхность социального поля, оформленная контуром цепи означающих. В терминах Э. Лакло и Ш. Муфф это называется «дискурсом», в терминах Ж.Лакана – «порядком Символического», что, в принципе, понимается примерно одинаково: как сеть социальных практик, определенным образом структурированных системой различий, подобно различительным оппозициям языка, и тем самым вносящих априорную возможность значимости, значения во всё, с чем мы имеем дело. Любой элемент, входящий в дискурсивное символическое поле, имеет значение постольку, поскольку он состоит в отношении с другими элементами и определяется тем, что занимает ту позицию, которую не может занять другой элемент, то есть определяется в силу своей негативности – он значим потому, что является тем, чем другой элемент не является. Другими словами, конституирующим моментом значения социального поля оказывается не сущность, эссенция, а отношение, различие.

Однако при этом дискурс никогда не является самодостаточной закрытой тотальностью. Он основан на необходимости конструкции центра, фиксации поля различий с помощью единого подлежащего принципа, который распространяется лишь на определенное число элементов. Нестабильность любой дискурсивной формации определяется «полем дискурсивности», которое, собственно, и есть Символическое в полном (психоаналитическом) смысле этого термина, то есть то, что всегда больше нашей способности придавать и схватывать

значения. «В символическую систему мы, как индивиды, включены в большей степени, чем нам о том известно и чем мы можем смутно подозревать» (Лакан: 1998, 73), так пишет Ж. Лакан в своих Семинарах о тотальности символического универсума, который, как традиция, как сложившаяся система социального, всегда выступает как уже пред-установленное по отношению к индивиду. Наложение интертекстуальных следов извне на фиксированные элементы дискурса размывает стабильность дискурсивной формации, стимулируя постоянный процесс переозначивания, переписывания сложившихся социальных систем.

Однако, если бы постмарксизм, как, собственно и психоанализ, ограничились лишь утверждением бесконечности и текучести социального, на поверхности которого все время возникают некие дискурсивные образования, попытки «схватить» и оформить эту постоянно трансформирующуюся массу, то они представляли бы собой тогда лишь очередную разновидность постмодернистской концепции релятивности. В действительности же задача современных критических подходов заключается не только в том, чтобы констатировать множественность, неопределенность и временный характер дискурсивных формаций, но и в том, чтобы выяснить, как и почему социальное на данном историческом этапе принимает именно такую форму, какими социально-историческими изменениями обусловлена эта форма и какова логика её образования. Все эти вопросы очень похожи на те, которыми в свое время задавался З. Фрейд в «Толковании сновидений». За эксплицитно выраженной интенцией узнать

смысл вытесненного и подавленного у Фрейда всегда выступала и другая интенция, более существенная для толкования сущности бессознательного, – почему это вытесненное содержание приняло именно эту форму, а никакую другую. Ещё в большей степени этот акцент на формальной стороне порядка Символического демонстрирует Ж.Лакан, отталкиваясь от которой он уже в поздних своих работах переходит к вопросу об условиях формализации, т.е. в силу чего и вокруг чего начинает конденсироваться поле Символического. Этот аспект, который получает в психоанализе тематическое обозначение «порядка Реального», далее активно используется С.Жижекком в его работах по проблематике «культурного бессознательного». Именно ему собственнно и принадлежит честь последовательного сращения концептуального аппарата Ж. Лакана с современной теорией политического дискурса.

С. Жижек в своем амплуа «философа Реального» (см. Кау: 2003) указывает на процесс символизации как имеющий характер вытеснения, подавления травматических и невозможных оснований человеческого бытия. Тем самым он, как представитель психоанализа, добавляет к классическому определению символических практик, как практик позитивных, ценностно-образующих, в принципе характеризующих человека как родовое существо, ещё и измерение негативности, т.е. функцию сокрытия, отрицания несимволизируемых, «нечитаемых» «ядер Реального».

Под Реальным, в этом случае, конечно же, не стоит понимать реальность как действительность, ибо таковой она откры-

вается для нас только в качестве символического дискурсивного порядка, как того, по поводу чего можно высказаться, составить некое осмысленное высказывание или совершить осмысленное действие. Реальное в лакановском психоанализе – это, прежде всего, некий изначальный разрыв, пустота, негативность, определяющий как индивидуальное, так и общественное сознание. С антропологической точки зрения этот разрыв возникает в силу изначальной биологической нехватки человека (т.е. в силу факта преждевременности рождения человека, и его неспособности органически влиться в природную среду, как это отмечает Лакан в своей известной статье «Стадия зеркала и её роль в формировании функции Я» (Лакан: 1999), в результате чего радикальная несоизмеримость с природным началом отмечает человеческое существование с самого его начала. Но на самом деле, нехватка, или скорее стремление к её восполнению, оказывается в полном смысле слова конституирующим измерением человеческого существования, когда она начинает функционировать в порядке Символического, т.е. традиции, культуры, языка как некое отсутствующее означаемое, провоцирующее на создание бесконечного ряда означающих.

Топос Реального легко опознаваем по огромному количеству интерпретаций вербального и визуального характера, вихрящихся вокруг того, что принципиально не может быть высказано. Непросто дать дефиницию Реального, но, вероятно, некоторыми определяющими характеристиками, которые помогут нам прояснить категориальный аппарат пост-

марксизма, оперирующего с понятием изначальной, конституирующей негативности, будут следующие:

- 1) фундаментальный разлом или пустота (если мы пытаемся разоблачить на-слоившиеся интерпретации одну за другой, с целью добраться до истины, то с нарастающим ужасом мы обнаруживаем за всем этим пустоту, зияние, полное отсутствие любых оснований, по поводу которых могли возникнуть все эти интерпретации (подобное чувство настигает нас во сне, когда вместо ожидаемого знакомого лица навстречу выплывает белесое расплывающееся пятно). То есть парадоксальным образом, в основе всего оказывается не то, что есть, а то, чего нет – негативность в чистом виде.
- 2) ретроактивное движение в символизации разрыва Реального, хотя разрыв (или травма) оказывается конститутивным моментом для возникновения компенсирующей силы Символического, но смысл или значение Реального формируется лишь в обратном движении, *nachträglich**, согласно выражению З. Фрейда, то есть в конечном счете задается нашими символизациями, ведь кроме них другой реальности для нас нет. И таким образом, весь процесс символизации представляет собой не что иное, как повторение в той или иной форме изначального травматического опыта, существующего только в этих повторениях.

* Задним числом (нем.)

Определение этих характеристик Реального помогает нам вскрыть ещё один важный аспект Символического, а именно: работа символа заключается не столько в скрытии и вытеснении невписываемого в социальный контекст избытка Реального, сколько в его компенсации, то есть вынесении на поверхность в трансформированном виде самих условий символизации. Здесь мы сталкиваемся с реверсом Реального – симптомом. Симптом – это тот элемент системы, который «разрушает свое собственное универсальное основание, особый вид, разрушающий свой род» (Жижек: 1998, 29). Симптом проявляется, когда мы имеем дело со все нарастающей универсализацией, генерализацией системы, он должен функционировать как парадоксальный элемент, обнажающий ложные притязания на целостность и единство, как точка внутреннего распада или как внутреннее отрицание. Возникает вопрос, чем же плохи генерализирующие устремления и почему «невозможно общество» как целостность? Ответ психоанализа таков: любая попытка скрыть, искоренить изначальный антагонизм человеческого существования приводит к соблазну тоталитаризма (массового уничтожения людей во имя Нового Человека как гармоничного существа), т.е. полного поглощения всех различий ради идентификации с идеалом. А на уровне симптома как раз осуществляется примирение с тем фактом, что совершенство никогда не достижимо и наша судьба в том, чтобы бесконечно пытаться его достигнуть. На примере свободы, как идеологической универсалии, охватывающей множество свобод (свободу слова, печати, предпринимательства и т. д.), С. Жижек показывает,

как возникновение ещё одного структурного элемента – свободы рабочего продавать свой труд на рынке, подрывает весь универсальный фундамент этого понятия, поскольку в результате рабочий теряет свою свободу, поработается капиталом, и таким образом «эта парадоксальная свобода, форма которой противоположна действительной свободе, замыкает круг «буржуазных свобод» (Жижек: 1998, 29). Можно сказать, что с точки зрения отдельной системы социальный симптом является патологией, но с точки зрения развития и динамики систем, симптом, напротив, выводит на поверхность несработки и патологии этой самой системы.

Если вернуться к полю постмарксизма, то здесь мы встречаемся с понятием аналогичным психоаналитическому Реальному – социальным антагонизмом. Делая акцент на этом понятии, Э. Лакло, следует избранной стратегии – пересмотра контекста устоявшихся понятий – и выявляет при этом внутренние противоречия самой марксистской теории. Эти противоречия выходят на поверхность, как только ориентация на утопический горизонт (общество коммунизма и всеобщего равенства) становится нерелевантной. Впервые, Э. Лакло подчеркивает сам момент негативности – социального антагонизма, классовой борьбы – как основной, центральный, для формирования любой коллективной идентичности. Классический марксизм, используя гегелевскую диалектику, пытается справиться с этим противоречием, сняв его в высшем синтезе гомогенного общества коммунизма, но на практике, как показывает Э. Лакло, эта негативность не может быть снята, ибо она оказывается не вторым членом диалек-

тической триады, а фундирующим конституирующим моментом социальной реальности. Вслед за этой оппозицией негативности/позитивности (разрыва/гомогенности) Э. Лакло выстраивает и вторую – непрозрачности/транспарентности. Классический марксизм полагает, что истинные отношения в поле социального всегда скрыты за завесой идеологии, и что коллективные представления всегда уже опосредованы идеологическими формами, но при этом эта непрозрачность социального рассматривается лишь как преходящий момент, который может быть снят при устранении условий для возникновения идеологии. Как и в первом случае, задача постмарксизма заключается в том, чтобы показать фундаментальность, неснимаемость форм антагонизма и идеологии в социальной сфере, и для этого он обращается к опыту психоанализа, показывая, как те же самые модели работают на другом уровне, на «другой сцене», если использовать выражение З. Фрейда.

Таким образом, если мы попытаемся определить социальный антагонизм в этом поле, образованном пересечением двух дискурсов, апеллирующих к изначальному неснимаемому моменту негативности, то он будет представлять собой нечто радикально внешнее господствующему социальному порядку, некий предел опыта социального, нарушающий возможности идентификации и подрывающий институты формирования субъективности. Но при этом следует иметь в виду, что этот радикально чуждый опыт не может быть представлен в качестве другого онтологического поля, другой реальности или чего бы то ни было, поскольку, как только мы позиционируем нечто, как внешнее уста-

новленному символическому порядку, то уже сам по себе акт позиционирования является символическим и это «внешнее» сразу оказывается знакомым, понятным, «своим чужим», другим членом оппозиции. Именно таким образом работает сегодня установка мультикультурализма, пропагандирующая множество идентичностей, но на деле работающая на распространение моделей гомогенного глобализма, и на этот момент обращает внимание С. Жижек во многих своих работах.

Парадоксальным образом предел, о котором идет речь, дан не на границе, не снаружи социального поля, а всегда внутри его, как любая травма, которая заключена внутри нас, как внутренний враг, подрывающий устои нашей идентичности, на вылазки которого мы каждый раз реагируем сетью новых символических щитов. Именно поэтому несимволизируемый внутренний предел и является как условием для подрыва связующей, систематизирующей деятельности Символического, так и его конститутивным основанием. Т.е. любая система, в частности, система социального поля, способна установить внутренние формы связности и унификации только в силу того, что она не может систематизировать свои собственные конституирующие принципы (Н-р: юридическая система использует внутренний базовый код для различения легального/иллегального, согласно которому она функционирует, но именно этот принцип не может сказать нам, является ли сама юридическая система легальной.) Таким образом получается, что ни один позитивный принцип или критерий, данный внутри системы, не может детерминировать, объяснить сис-

тему в целом (внешние критерии в данном случае являются нерелевантными). Происходит же это именно потому, что сам принцип систематичности является следствием изначальной негативности, моментом её компенсации, и поэтому заводя разговор о системных, дискурсивных образованиях, нельзя не иметь в виду при этом внутренних, образующий момент травмы, разрыва или антагонизма. При этом, если в психоанализе травма имеет изначально антропологический характер, то в постмарксизме её аналог принадлежит измерению политического, хотя и в том и в другом случае, внутренний момент негативности прослеживается как на уровне субъекта, так и социального целого.

Следует добавить при этом, что для С. Жижека помимо психоаналитической теории, другим важным обосновывающим философским источником служит немецкий идеализм. Ведь именно там впервые встал вопрос о радикальной несоизмеримости человеческого бытия и мира в целом. Именно когда И. Кант поставил вопрос о бытии следующим образом: не *что* такое мир, а *как* мы приходим к понятию мира как интеллигибельной целостности, и от какого типа трансцендентальной априорной структуры зависит это понятие, тогда стало возможным говорить о фундаментальной асимметрии мира человеческого и мира в целом. «Мы не принадлежим никакому позитивному или предустановленному порядку Бытия, и поэтому все наши установки являются изначально неопределенными», – так пишет один из комментаторов Жижека Г. Дэйли (G. Daly: 2004, 2). Это означает, что тенденция к позитивизации Бытия, к его объяснению продиктована, прежде всего,

стремлением человека устранить разрыв в своих отношениях с природным началом (позднее – устранить разрыв в порядке Символического), т.е. некое негативное измерение в порядке Бытия, и обрести позитивное основание для своих действий. В этом отношении человек изначально является «животным политическим», но не в смысле Аристотеля, который подразумевал под этим определенную способность распознать пред-данный порядок блага, но нечто совершенно противоположное. Именно потому, что нет никакого пред-данного порядка, мы «осуждены» на то, чтобы непрестанно создавать его, на то, чтобы быть «политическими животными». Опираясь на это определение, мы подходим к функции субъекта, в том смысле как он понимается теперь в психоанализе и в постмарксизме.

В результате дискредитации Эго-концепции и понятия о субъекте как самотождественной сущности во времени и пространстве, освобождается и выходит на первый план активный, деятельностный аспект субъективности. Субъект есть все то, что схвачено символическими идентификациями, но при этом это и сама возможность их возникновения и приращения. Субъект, парадоксальным образом, это разрыв между наслоениями символических идентификаций, суть которого в том, чтобы поддерживать их непрерывное производство, создавая видимость связного и устойчивого онтологического порядка. Субъект – это и есть прорыв «изначального» онтологического порядка, но прорыв не случайный, поскольку без него и порядка как такового не существовало бы. Субъект как изначальная негативность есть просто условие возможности для

возникновения любой онтологии и любого порядка.

Таким образом, в противоположность прежней эссенциалистской установке Эго-психологии постфрейдизм Ж.Лакана выдвигает понятие субъекта как динамической силы, исходным пунктом для которой является измерение собственной негативности, а позитивным содержанием – множество идентификаций, заполняющих этот разрыв, но на этом движение субъективности не завершается: каждый раз в случае символизации мы имеем дело с метафорическим избытком значений (то, что всегда больше субъекта как предполагаемой самостоятельной сущности), и именно этот избыток возвращает нас к исходной нехватке и генерирует её снова в повторении.

Приблизительно так же описывает Э. Лакло модель политического субъекта антагонизма в противовес устаревшему социологическому понятию о некоем самодостаточном агенте, управляющим социальным процессом. Контингентность, а не предустановленность социального поля создает множество частных субъектных позиций (н-р: демократы, «зеленые», феминистки). Идентичность каждой из этих позиций создается метафорическим избытком двух остальных (а не некой самостоятельно найденной истиной). Т.е., например, демократ из собственного политического опыта обнаруживает, что реальной демократии без эмансипации женщин нет и быть не может, а представитель экологического движения приходит к выводу, что дальнейшая борьба в рамках прежней агрессивно-маскулинной установки по отношению к природе не имеет смысла и т.д. Другими словами,

политический субъект конституируется именно тем, что не дает ему достигнуть полной идентичности с самим собой (Я никогда не равно Я). Любая идентичность всегда уже блокирована внутри себя, отмечена внутренней радикальной невозможностью, т.е. антагонизм, он всегда уже внутри, а внешний Другой, Чужой – это лишь тот внятный кусок реальности, на который мы проецируем, экстерриализуем собственную имманентную невозможность совпасть с собой. В отношении с другим, как и в гегелевском отношении раба и господина, каждая сторона ощущает определенную нехватку, ущербность, но это есть нехватка нехватки – того, чем мы никогда не обладали, т.е. самости.

Таким образом, становится более ясным тезис Э. Лакло и Ш. Муфф о том, что антагонизм, негативность как таковая является источником позитивного содержания субъекта или общества. Мы обретаем некую фиксированную позицию, исходя из которой можно говорить «я думаю», «я считаю», только посредством отрицания Другого, что в корне является отрицанием собственной нехватки, т.е. становление субъектом происходит по логике двойного отрицания.

Таким образом, этот акцент на изначальном опыте негативности (Реальное – в психоанализе, социальный антагонизм – в постмарксизме) дает возможность продуктивного перехода от анализа дискурсивности, от бесконечного считывания различий, к изучению условий и возможностей относительной фиксации социального (поскольку абсолютная фиксация с помощью однозначных, неизменных понятий уже невозможна в силу динамики самого социального поля). Речь идет о том, что

Ж. Лакан, а вслед за ним и С. Жижек, называют «точкой пристежки» (Жижек: 1998, 93), а Э. Лакло и Ш. Муфф «узловыми точками» (Laclau, Mouffe: 1985). Именно эти узловые точки и являются способами формирования как субъективной, так и групповой идентичности на современной политической арене, именно они являются ставкой в любой идеологической борьбе, в борьбе за политическую гегемонию.

Понятие же «гегемонии» как обозначение динамического социально-политического процесса ясно демонстрирует, каким образом нам приходится считаться с негативным измерением социального поля.

Отношения типа гегемонии непосредственно соотносятся с властными интенциями частных социальных сил. Последние, занимая определенные позиции в дискурсах, определяются в своей идентичности через другие антагонистичные им позиции, и в то же время все эти позиции обусловлены одним исходным антагонизмом, сокрытие которого и является направляющей их силой. В этих взаимоотношениях зарождается связь частного и универсального. Суть борьбы за гегемонию в том, чтобы представить частное выразителем всеобщего, репрезентантом некой тотальности. Но универсальное не преднаходимо в мире и не является также конечной истиной, которую можно было бы отыскать. Однако же, несмотря на это, люди продолжают жить и действовать так, как если бы те конкретные частные примеры, которые несут в себе заряд универсального, действительно репрезентировали бы добро и истину. Поэтому задача постмарксистского подхода не в том, чтобы констатировать бесплодность и

лживость идеологических конфронтаций, а как раз в том, чтобы показать, каким образом возможно сегодня существование универсального, которое помогает нам очерчивать утопический горизонт будущего и поддерживать нас как субъектов, задача которых в том, чтобы проецировать себя по направлению к этому будущему.

Универсальное существует таким образом, что оно принадлежит самому моменту борьбы за него, борьбы за гегемонию среди конкретных частных сил. Чтобы проиллюстрировать это положение, можно обратиться к одному из примеров, которые приводит С. Жижек в своей работе «Ускользающий субъект» (Žižek: 1999, 175). В борьбе за гегемонию политические силы используют определенные партикулярные содержания, считающиеся с определенных позиций «типичными», для гиперболизации идеологических универсальных понятий, их приукрашивания и в конечном счете для более эффективного воздействия на умы. Так, в рамках критики современной американской политики вэлфэра (программы социальной обеспеченности) одно политическое движение «New Right» выбирает для своих целей одно частное означающее: «безработная афро-американская одинокая мать», другое движение – Морального Большинство – обращается к другому означающему: «преуспевающей молодой женщины, заботящейся о карьере и неразборчивой в сексуальных связях». Таким образом, оба случая с определенной идеологической позиции являются типичными и репрезентируют для своих приверженцев все содержание понятия «политика соцобеспечения», стоящее за ними. Но весь фокус в том, что само это понятие, якобы предполагающее свои возможные

типизации, как таковое изначально отсутствует. В самом деле, мы никогда не сможем сказать, что такое «программа социальной обеспеченности», пока не проиллюстрируем это конкретным содержанием, но как только появляется интерпретация, сразу же разворачивается и борьба интерпретаций, в процессе которой и фиксируется смысл универсального. Именно в моменте этой борьбе и имеет место то, что ранее было названо «точкой пристрастия» или «узловой точкой». Это есть то самое «типичное» означающее, которое скрепляет всю идеологическую постройку, маскируя отсутствие в ней фундамента – наполненного означающего идеологической универсалии. Можно сказать, что означающее даже не столько маскирует, скрывает пустоту за ним, сколько само в какой-то мере становится тем, что принято считать универсальным понятием, оно становится его «фантазматической поддержкой» (Žižek: 1999, 175), которая задним числом конструирует то, что мы хотели сказать, используя этот конкретный пример.

Чтобы прояснить эту структуру, можно использовать психоаналитические понятия симптома и синтома. Поиск причин, каких-то фундаментальных изменений в организме, вызывающих появление симптома является характерным для постановки диагноза при классическом медицинском подходе. Именно так действовали и в рамках прежнего марксистского анализа идеологии, когда смысл критики идеологии заключался в ответе на вопрос: каково же истинное наполнение общего идеологического понятия, скрытое за множеством других, фальшивых? (Н-р: исходное универсальное понятие «права че-

ловека» – это не права всех людей вообще, а одной конкретной группы – белых мужчин, владельцев частной собственности). При этом, существование реальной причины – универсального идеологического понятия – в марксизме не подвергалось сомнению; разрыв, который необходимо было устранить, находился между официальным содержанием универсального понятия и теми исключениями, которые были сделаны из него с идеологической точки зрения. Постмарксизм же скорее оперирует понятием «синтома», введенного в психоанализ Ж. Лаканом. «Синтом, – пишет С.Žижек, – это то, что скрепляет вещь воедино – если попытаться распутать его, то вещь распадется» (Žižek: 1999, 176). (Собственно, здесь подчеркивается тот же момент конституирующей негативности, который ранее фиксировался Жижекком в понятии симптома.) Другими словами, синтом – это момент внутреннего отрицания вещью самой себя, без которого она существовать не может. Этот внутренний конституирующий разрыв дан между «отсутствующей полностью» универсального понятия и случайным частным содержанием, которое, оставаясь частным, в то же время функционирует и как универсальное (Н-р: «права человека», с точки зрения постмарксизма – это только пустое означающее, конкретное содержание которого каждый раз может быть оспорено и расширено

(«права человека» детей, женщин, сумасшедших и т.д.), но это не значит, что уже имеющееся значение прилагается к новым сферам общественного дискурса, напротив, каждое новое содержание ретроактивно переопределяет само понятие «права человека», и оно обретает свою универсальность только в этом постоянном движении рефлексии над своими границами).

Таким образом, гегемония или борьба интерпретаций за пустое означающее, представляет собой новую модель политических взаимоотношений, когда исходной установкой для действия является радикальная неопределенность, т.е. признание того, что, опираясь на разлом и пустоту, возможно создание новых универсалий и концепций. Отказ от каких-то преданных идеологических оснований не ведет к полному распаду всех ценностей, а, напротив, стимулирует к постоянному переписыванию, перечитыванию концептуального поля универсалий, что формирует в итоге новую модель субъекта, как формирующегося в процессе своего активного выбора. И именно в этом пункте, в вопросе формирования субъективности, совместные усилия постмарксизма и психоанализа должны привести, на мой взгляд, к некоторым значительным результатам, оправдывающим тот анализ по проведению аналогий между ними, который был проделан в этой статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Daly, G. (2004) "Slavoj Žižek: A Primer" <http://www.Slavoj.Zizek-Biography/GlynDaly/Slavoj.Zizek:A.Primer/Lacan.Dot.Com>.
2. Kay, S. (2003) *Žižek: A Critical Introduction*. Cambridge: Polity Press.

3. Laclau, E. (1990) *New reflections on the revolution of our time*. London, New-York: Verso.
4. Laclau, E. and Mouffe, C. (1985) *Hegemony and Socialist Strategy*. London.
5. Žižek, S. (1990) "Beyond Discourse-Analysis",

in Laclau, E. (1990) *New reflections on the revolution of our time*. London, New-York: Verso.

6. Žižek, S. (1999) *The Ticklish Subject*. London, New-York: Verso.

7. Жижек, С. (1998) *Возвышенный объект идеологии*. Москва: Художественный журнал.

8. Лакан, Ж. (1997) *Инстанция буквы в бессозна-*

тельном или судьба разума после Фрейда. Москва: Русское феноменологическое общество.

9. Лакан, Ж. (1998) *Семинары. Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54)*. Москва: Логос.

10. Лакан, Ж. (1999) *Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа*. Москва: Гнозис, Логос.

NEGATIVITY AS A CONSTITUTIVE FACTOR IN THE FIELD OF THE CONTEMPORARY PSYCHOANALYSIS AND POSTMARXISM

Ekaterina Ignatovich

Summary

The article in question is concerned with the possibilities of overlapping of the conceptual fields of the contemporary psychoanalysis and postmarxism. The common foundation of the both theoretical discourses is the anti-essentialist attitude. E. Laclau, as one of the most prominent postmarxist thinkers, proposes the thesis of “Impossibility of Society”, which implies that society as a discursive formation is based upon its immanent antagonism, inherent limit, which constitutes ideological statements about the fullness and completeness of the social. Very similarly sound the assertions of S. Žižek, the most acknowledged follower of J. Lacan,

namely, that both on the subject's level and on the society's one we have to do with symbolic compensations, which are condensed around certain impossible traumatic experience – “the kernels of the Real”.

The article examines these ways of rethinking and reformulating of such established notions as “unconscious”, “symptom”, “ideology”, “hegemony” and so on, actually the way of providing a quite different theoretical language, which respond adequately to the dislocating effects of the contemporary post-industrial society.

Keywords: psychoanalysis, postmarxism, anti-essentialist attitude, negativity, social antagonism.